

ГЛАВА I.

Года учения. Школа и университет.

Великое движение мысли, характеризующее девятнадцатый век, есть движение от отрицания к утверждению, от разрушения к воссозиданию; по выражению Карлейля—это движение от „вечно пребывающего нѣтъ“ к „вечно пребывающему да“. Великіе люди этого века суть тѣ, которые, подобно Мирабо, „проглотили всѣ формулы“, но при этомъ не утратили вѣры въ духовныя силы и назначеніе человѣка; освободившись отъ груза прошлаго, отъ жизни по обычаямъ и традиціямъ, они только яснѣе открыли пребывающую основу человѣческой вѣры и надежды, тотъ вѣчный камень, на которомъ зиждутся всѣ человѣческія вѣрованія и учрежденія. Величіе этихъ людей измѣряется той полнотой, съ которой все движеніе времени, отрицательное и положительное, отразилось на ихъ умственномъ развитіи, тою степенью, въ какой они овладѣли его противоположными элементами и привели ихъ къ единству—въ качествѣ факторовъ своей собственной внутренней жизни. Слабость ихъ измѣряется той степенью, въ какой они сами сдѣлались пассивными органами и выразителями того или другого изъ противоположныхъ

принциповъ революціи или реакціи, или уступали различнымъ теченіямъ народнаго чувства, по мѣрѣ того какъ оно направлялось отъ одной крайности къ другой. Въ дѣйствительности ни одинъ человѣкъ, находящійся среди такого социальнаго и умственнаго движенія и не взирающій на него съ высоты исторіи, не можетъ вполне вмѣстить въ себя весь духъ извѣстнаго времени или усвоить оба противоположныя увлеченія съ тѣмъ сочувствіемъ, которое дается совершеннымъ пониманіемъ. Ни одинъ человѣкъ, если онъ даже и способенъ на это, не можетъ быть настолько независимымъ отъ того процесса, въ которомъ онъ участвуетъ, чтобы въ часъ возмущенія не смѣшать свободы съ анархіей, а когда настанетъ время возсозиданія, не употребить для новой постройки нѣчто изъ того „древа, сѣна или соломы“, — изъ того ветхаго матеріала, который былъ испытанъ въ огнѣ и оказался негоднымъ. Никому не дано играть роль Провидѣнія или избѣжать расплаты за ограниченность своей индивидуальности и своего времени. Поучительно всякое приближеніе къ такому всеобъемлющему синтезу: назидательна всякая жизнь, которая избѣгаетъ фанатизма абстрактнаго отрицанія или абстрактнаго утвержденія идеаловъ и фѣрованій прошлаго, и достигаетъ этого не при помощи временныхъ экспедіентовъ или простаго здраваго смысла, но путемъ болѣе глубокаго пониманія и болѣе прочнаго овладѣнія тѣмъ единствомъ, которое связываетъ всѣ виды разносторонней дѣйствительности. Короче, всякая жизнь, которая не только мѣняется съ измѣнчивымъ временемъ, но достигаетъ въ немъ прогресса и раз-

витія, — должна представлять для насъ огромный интересъ и назиданіе. Въ ней, какъ бы въ микрокосмѣ, мы можемъ яснѣ прочесть поученіе, которое такъ трудно прочесть въ необъятномъ макрокосмѣ. Такая широта опыта, такая отзывчивость обоимъ господствующимъ теченіямъ даннаго времени и такое постоянное усиліе — болѣе или менѣе успѣшное и значительное, — направленное на то, чтобы достичь точки зрѣнія, съ которой эти теченія могутъ быть поняты и согласованы — все это заставляетъ насъ высоко цѣнить жизнь и творенія людей, столь различныхъ между собой въ другихъ отношеніяхъ, какъ Вордсвортъ и Карлейль, Контъ и Гёте. Все это тоже придаетъ интересъ великому движенію германской философіи, которое началось съ Канта, а конечный смыслъ котораго выразилъ Гегель. Ибо движеніе это, прежде всего, было попыткой найти путь *чрезъ* современные принципы субъективной свободы — тотъ самый принципъ, который произвелъ реформацію шестнадцатаго вѣка и революцію девятнадцатаго вѣка, — путь къ пересозданію того умственнаго и нравственнаго порядка, который въ прошломъ служилъ основаніемъ человѣческой жизни.

Георгъ Вильгельмъ Гегель родился въ Штутгартѣ, столицѣ Вюртемберга, 27 августа 1770 г., пять лѣтъ до рожденія Шеллинга и 11 лѣтъ послѣ рожденія Шиллера, которые оба тоже были вюртембержцами. Жители Швабскихъ высотъ долго отличались отъ другихъ германцевъ особенностями нарѣчія и характера, нѣкоторымъ смѣшеніемъ хитрости съ простотой, религіознаго энтузіазма съ умозрительной

свободой мысли. По положенію и по расѣ Швабія относится къ Югу, по религіи къ Сѣверу; обстоятельство это само по себѣ служило къ пробужденію болѣе интенсивной религіозной и умственной жизни въ странѣ, которая могла считать себя аванпостомъ или авангардомъ протестантства. Въ общей своей характеристикѣ швабы представляютъ средній терминъ между различными развѣтвленіями германской народности. Суровый рационализмъ и практическая энергія, отличающіе протестантовъ Сѣвера и особенно Пруссіи, смягчены и расширены въ нихъ тѣмъ, что германцы называютъ *Gemüthlichkeit* южной расы; эта черта придала швабамъ ту врожденную задумчивость и глубину характера, которая сурѣдко ведетъ къ темнотѣ мыслей и мистицизму, но дѣлаетъ людей менѣ склонными терять сознание органической цѣлостности, единства истины въ противорѣчіяхъ рефлексіи. Слѣдуетъ замѣтить въ этомъ отношеніи, что первые два вожака философскаго движенія Германіи, Кантъ и Фихте, которые особенно утверждали свободу и независимость человѣка и ставили „я“ выше „не-я“,—принадлежали Сѣверу; два послѣдніе—Шеллингъ и Гегель, котóрые возвысились надъ одностороннимъ идеализмомъ до познанія духовности вселенной и единства человѣка съ нею и съ его ближними,—принадлежатъ Югу и именно той же Швабской области.

Гегель родился въ семьѣ, которая происходила отъ нѣкоего Іоанна Гегеля, изгнаннаго изъ Каринтіи австрійскимъ преслѣдованіемъ протестантовъ къ концу шестнадцатаго вѣка. Въ теченіе семнадцатаго и во-семнадцатаго вѣка семья эта поставляла многихъ изъ

своихъ сыновъ на скромныя должности гражданской службы Вюртемберга. Отецъ его, о которомъ мы мало знаемъ, былъ чиновникомъ фискальнаго вѣдомства,—человѣкъ съ привычками порядка и консервативными инстинктами, естественными при занимаемой имъ должности. Мать Гегеля, которой онъ лишился тринадцати лѣтъ и о которой онъ всегда вспоминалъ съ любовью и благодарностью, была, повидимому, женщина съ выдающимся воспитаніемъ и умомъ. У него былъ младшій братъ Людовикъ, который сдѣлался солдатомъ, и сестра Христина, которую связывала съ философомъ сильная привязанность. Намъ представляется тихое буржуазное хозяйство, управляемое духомъ честности, экономіи и трудолюбія и въ которомъ воспитаніе дѣтей было самой важной заботой. Получивъ отъ матери нѣкоторое образованіе, Гегель на пятомъ году сталъ посѣщать такъ называемую латинскую школу, а на седьмомъ году гимназію своего роднаго города. Онъ, повидимому, отличался тамъ, только какъ вполне пригодный къ ученію мальчикъ, способный пріобрѣтать знанія всякаго рода, но не имѣвшій преобладающаго вкуса или способности въ какомъ-либо направленіи. Онъ сразу проявилъ терпѣливыя метолическія привычки той расы гражданскихъ чиновниковъ, отъ которыхъ онъ происходилъ,—по просту, представлялъ собою тотъ неинтересный характеръ „добраго мальчика, который получаетъ награды во всѣхъ классахъ, включая награду за хорошее поведеніе“. Четырнадцати лѣтъ онъ началъ писать дневникъ,—то былъ вѣкъ дневниковъ,—но это не указывало въ немъ преждевременной тенденціи къ самопознанію или самоанализу.

Въ сущности онъ не находилъ ничего особеннаго для занесенія въ этотъ дневникъ, кромѣ успѣховъ въ своихъ чтеніяхъ, а иногда онъ пользовался имъ для упражненія въ писаніи по-латыни. Можно, пожалуй, замѣтить нѣкоторый оттѣнокъ юношескаго педантизма въ преждевременной серьезности, съ которой онъ отдастъ отчетъ въ успѣхахъ своего ученія. Сильное выраженіе привязанности къ одному изъ преподавателей, Лёслеру, который давалъ ему частные уроки въ добавокъ къ регулярнымъ класснымъ и который умеръ, когда Гегелю былъ пятнадцатый годъ,—вотъ почти единственное выраженіе личнаго чувства, находящееся въ дневникѣ: „какъ часто и какъ счастливо мы проводили время вдвоемъ въ маленькой комнатѣ!“ Остальное содержаніе дневника есть лишь отголосокъ тѣхъ „просвѣщенныхъ“ вопросовъ дня, о которыхъ Гегель слышалъ отъ преподавателей или читалъ въ популярныхъ учебникахъ науки и философіи, которые ему давали учителя. Въ этомъ духѣ онъ указываетъ на зло нетерпимости и на необходимость каждому думать самому за себя; онъ порицаетъ вульгарныя суевѣрія, указываетъ на сходство чудесъ всѣхъ временъ и народовъ и намекаетъ на то, что мало разницы между покупкой небеснаго благоволенія посредствомъ прямыхъ приношеній богамъ и новѣйшимъ замѣщеніемъ ихъ дарами церкви,—все это съ мудростью маленькаго Солона эпохи „просвѣщенія“ *).

*) Aufklärung — такъ называлась та популярная философія, которая господствовала въ умахъ и литературѣ Германіи въ XVII вѣкѣ; она соотвѣтствовала Французскому умственному движенію этой эпохи съ ея рационализмомъ и гуманитарными освободительными тенденціями, съ ея

Единственнымъ предметомъ, который, повидимому, глубоко подѣйствовалъ на него и который, къ концу его школьныхъ годовъ, пробудилъ въ немъ нѣкоторую свѣжесть и оригинальность замѣчаній, было изученіе греческой поэзіи. Трагедіи Софокла особенно привлекали его всегда; онъ считалъ „Антигону“ образцовымъ произведеніемъ драматической поэзіи и дважды перевелъ ее,—одинъ разъ въ прозѣ, а впоследствии, въ университетѣ,—въ стихахъ. Внутреннее сродство, привлекавшее Гегеля къ чистому источнику греческаго искусства, коренилось глубоко въ его натурѣ, и оно имѣло величайшее вліяніе на его послѣдующіе труды, какъ положительное, такъ и отрицательное. Даже въ юности онъ не былъ увлеченъ тѣми болѣзненно-сентиментальными романами, которые Вертеръ ввелъ въ моду въ Германіи и которые позже были повторяемы въ болѣе слабыхъ отголоскахъ Шлегелемъ и другими. Точно такъ же, хотя, какъ мы увидимъ, онъ и подпалъ впоследствии подъ вліяніе христіанскаго и романтическаго искусства, онъ не чувствовалъ ничего кромѣ отвращенія къ той безформенной эмоціональной тенденціи, которую часто въ его время смѣшивали съ романтикой. „Смолоду проникнутый благородствомъ и красотой Греціи“, говоритъ Розенкранцъ, „онъ никогда не признавалъ истиннаго христіанства въ формѣ, исключавшей величавую ясность античнаго искусства“. Обычный универсализмъ его умственной симпатіи смѣнялся нѣкоторымъ

разсудочной критикой средне-вѣковыхъ понятій и традицій. Она являлась отчасти отголоскомъ французской мысли, отчасти же продуктомъ самостоятельнаго развитія нѣмецкаго рационализма послѣ Вольфа. Ред.

враждебнымъ раздраженіемъ, когда онъ встрѣчался съ какимъ-либо случаемъ „болѣзни самосознанія“, введенной въ моду Руссо; и даже въ такомъ мистикѣ, какъ Гаманнъ, который привлекалъ его юмористическимъ богатствомъ мыслей, Гегель находилъ элементъ „ипохондріи“, съ которымъ онъ не могъ мириться. Что же касается греческаго искусства, то оно являлось ему какъ откровеніе той осуществленной гармоніи жизни, въ которой не было борьбы между субъектомъ и объектомъ, между идеальнымъ и реальнымъ. Съ перваго соприкосновенія съ греческимъ міромъ, онъ нашелъ въ немъ родной элементъ. „При имени Греціи“, какъ онъ позже говорилъ студентамъ, „просвѣщенный германецъ чувствуетъ себя дома. Европейцы получили свою религію — трансцендентное и далекое — изъ отдаленнѣйшаго источника, изъ Востока, преимущественно изъ Сиріи; но то, что здѣсь и теперь, близкое и настоящее — наука и искусство — все то, что удовлетворяетъ жизнь, что возвышаетъ и украшаетъ ее — все это мы получили прямымъ или косвеннымъ путемъ изъ Греціи“.

Гегель усвоилъ со школьной скамьи еще другую важную привычку. Съ шестнадцатилѣтняго возраста онъ началъ практиковаться въ пространныхъ извлеченіяхъ, которыя дѣлалъ изъ каждой интересовавшей его книги, и, судя по сохранившимся его рукописямъ, онъ уже находилъ интересъ почти во всѣхъ отрасляхъ науки, ему доступной. Онъ сохранилъ эту привычку во всю жизнь, такъ что найдется немного значительныхъ литературныхъ или научныхъ произведеній его времени или вообще великихъ произведеній другихъ временъ,

которыхъ бы онъ не проанализировалъ, изъ которыхъ бы даже онъ не выписалъ примѣчательнѣйшихъ мѣстъ. Такимъ образомъ онъ постепенно собралъ значительное количество хорошо составленныхъ конспектовъ — ибо онъ во всемъ былъ точенъ и порядоченъ; и, что было особенно цѣнно, онъ приучился не только схватывать общую мысль прочитываемыхъ авторовъ, но проникать въ ихъ особенности, не пренебрегая даже тѣмъ тонкимъ впечаткомъ индивидуальности, который выражается въ мельчайшихъ оборотахъ слога и въ фразеологии. Истинная культура ума, какъ онъ училъ позже, должна начинаться съ рѣшительнаго самостушеванія, съ чистой воспримчивости; и только при такомъ отношеніи къ предмету мы можемъ достигнуть той жизненной критики, которая есть внутренняя самокритика изучаемаго объекта. Говоря о пифагорейскомъ методѣ воспитанія, въ которомъ ученикъ былъ обреченъ на пятилѣтнее молчаніе, Гегель говоритъ: „въ нѣкоторомъ смыслѣ этотъ искусъ молчанія есть существенное условіе всякаго образованія и обученія. Мы должны начать съ того, чтобы научиться понимать мысли другихъ, а это требуетъ отвлеченія отъ нашихъ собственныхъ мыслей. Часто говорятъ, что умъ долженъ быть образованъ сначала посредствомъ вопросовъ, возраженій, отвѣтовъ и т. д. Въ дѣйствительности такой методъ не дастъ ему истинной культуры, но скорѣе дѣлаетъ его внѣшнимъ, поверхностнымъ. Молчаніемъ, сбереженіемъ себя для самихъ себя, мы не дѣлаемся бѣднѣе духомъ. Напротивъ, такимъ путемъ мы приобретаемъ способность понимать вещи такъ, какъ

онъ есть, и до такой степени проникаемъ сознаниемъ негодности всякихъ субъективныхъ мнѣній и возраженій, что наконецъ вовсе перестаемъ ихъ имѣть“. Этотъ совѣтъ несомнѣнно трудно исполнить, и есть опасность плохо понять его въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается умовъ, обладающихъ въ слабой степени жизненной способностью реагировать на то, что они воспринимаютъ. Но для такихъ умовъ, пружины которыхъ не ломаются подъ тяжестью свѣдѣній, для умовъ, обладающихъ тѣмъ „сильнымъ интеллектуальнымъ пищевареніемъ, которое равняется цѣлымъ библіотекамъ“, такое предписаніе равняется интеллектуальной гигиенѣ. Во всякомъ случаѣ Гегель доказалъ это на самомъ себѣ съ ранняго возраста.

Восемнадцати лѣтъ Гегель перешелъ изъ гимназіи въ университетъ. Родители предназначали его церкви, а потому послали его въ богословскую семинарію Тюбингена, — заведеніе, сохранившее нѣкоторую наружную дисциплину монастыря. Студенты носили особенный костюмъ и были подчинены нѣсколько мелочной системѣ наказаній — большюю частью, лишенію обычной порціи вина за обѣдомъ — за всѣ провинности противъ регулярнаго порядка. Конечно, богословіе занимало первое мѣсто въ обязательномъ учебномъ планѣ хотя курсъ былъ раздѣленъ на философскій и богословскій отдѣлы; первый занималъ два, а второй три года. Въ то время среди профессоровъ Тюбингена не было никого, кто былъ бы способенъ имѣть постоянное вліяніе на такого ученика, какъ Гегель, и могъ бы руководить имъ. Нѣкоторые изъ нихъ настолько призна-

вали вліяніе Канта, въ то время восходящую звѣзду философіи, что при случаѣ избирали его предметомъ лекцій и даже извращали его принципы въ поддержку старой догматической системѣ, вещь не трудная съ авторомъ, у котораго буква стоитъ такъ часто ниже духа. Но между ними не было ни одного вполне свѣдущаго послѣдователя Канта, который могъ бы преподавать новыя идеи съ сочувствіемъ и пониманіемъ. А потому Гегель скоро научился считать университетское ученіе за рутину, которую слѣдуетъ пройти, прилагая къ ней минимумъ вниманія. Мы узнаемъ даже, что онъ получалъ особенные выговоры по поводу частыхъ взысканій за манкированіе лекцій. Но, съ другой стороны, выяснено, что онъ продолжалъ неуклонно свои чтенія классическихъ авторовъ и, въ добавокъ къ нимъ, новѣйшихъ писателей, особенно Руссо, произведенія котораго служили объясненіемъ къ великому политическому движенію, быстро овладевавшему Франціей. Гегель былъ хорошо подготовленъ къ такому чтенію предшествовавшимъ образованіемъ, ибо Руссо превосходилъ тѣ индивидуалистическія общія мѣста философскихъ учебниковъ, которыя Гегель терпѣливо переписывалъ въ школѣ, — превосходилъ ихъ, главное, тѣмъ, что его страстная ревность вѣры, его природная симпатія къ неимущимъ классамъ и сознаніе соціальной несправедливости превращали эти общія мѣста изъ легкихъ игрушекъ литературы въ крылатыя стрѣлы слова, которыя сводили людей съ ума. Гегель и его товарищи, въ томъ числѣ и Шеллингъ, бывший моложе Гегеля, но гораздо болѣе подвинутый въ умственномъ развитіи, составляли поли-

тический клубъ, въ которомъ обсуждались революционныя идеи; и Гегель, говорятъ, отличался между членами его, какъ восторженный поборникъ свободы и братства. Существовало даже преданіе,—которое, какъ теперь доказано, относится къ другому времени,—что онъ и Шеллингъ въ одинъ прекрасный весенній день вышли на Тюбингенскую ярмарочную площадь, чтобы посадить тамъ дерево Свободы. Во всякомъ случаѣ, достоверно то, что Гегель раздѣлялъ чудесныя надежды, волновавшія всѣхъ благородныхъ и одаренныхъ воображеніемъ людей Европы.

Bliss was in that dawn to be alive
But to be young was very heaven.

Въ остальномъ Гегель принималъ участіе въ обычныхъ инцидентахъ германской студенческой жизни—въ ея товариществѣ, пирушкахъ, ея восторженныхъ дружбѣхъ, и даже, повидимому, въ любовныхъ похожденияхъ, хотя все это съ извѣстною сдержанностью и умѣренностью, которыя заслужили ему прозваніе „старика“ или „старого малага“. Онъ былъ, какъ видно, простодушенъ и добродушенъ въ обхожденіи и былъ вообще любимъ товарищами, но его не считали за человѣка, обладающаго большими способностями. Однако онъ особенно сдружился съ двумя товарищами по семинаріи, которые позже выказали самобытныя дарованія—съ Шеллингомъ и съ молодымъ поэтомъ Гельдерлиномъ. Стихи послѣдняго преисполнены романтическаго влеченія къ искусству и поэзіи эллиновъ,—настроеніе, которое съ большою мощью выразилъ Шиллеръ въ своемъ произведеніи

„Боги Греціи“. Сближеніе Гегеля съ Гельдерлиномъ, съ которымъ онъ изучалъ Платона и Софокла, должно было особенно углубить въ его умѣ впечатлѣнія, вынесенныя имъ отъ греческой литературы еще изъ гимназіи. Къ концу университетскаго поприща, однако, его вниманіе начало болѣе опредѣленно обращаться къ философіи,—особенно по отношенію ея къ богословію и притомъ въ связи съ этическими трудами Канта. И немногія страницы изъ его записныхъ книжекъ, цитированныя Розенкранцемъ, уже показываютъ его характерную способность—концентрировать свою мысль въ сильныхъ выраженіяхъ, въ словахъ, окрыленныхъ одновременно воображеніемъ и размышленіемъ, которыя ударяютъ въ цѣль, какъ пушечныя ядра. Какъ мы увидимъ, онъ уже вступилъ на тотъ путь измѣненія и преобразованія кантовскихъ принциповъ, изъ котораго должна родиться его собственная философія. Но эти труды были вполнѣ скрыты отъ начальства семинаріи; когда Гегель покинулъ Тюбингенъ въ 1793 году, оно отпустило его со свидѣтельствомъ, въ которомъ значилось, что онъ человѣкъ, одаренный хорошими способностями и характеромъ, нѣсколько порывистый въ дѣлѣ, не обладающій большимъ даромъ слова, и что онъ очень хорошо знакомъ съ богословіемъ и филологіей, но никогда не обращалъ вниманія на философію.